

писанных. . .». Наконец, эту же мысль Ломоносов развил в посвящении — предисловии к «Российской грамматике»: «Повелитель многих языков, язык Российский не токмо обширностию мест, где он господствует, но купно и собственным своим пространством и довольствием велик перед всеми в Европе. Невероятно сие покажется иностранным и некоторым природным россиянам, которые больше к чужим языкам, нежели к своему трудов прилагали. . .». В русском языке объединились — «великолепие испанского, живость французского, крепость немецкого, нежность италийского, сверх того богатство и сильная в изображениях краткость греческого и латинского языка. . . Меня долговременное в российском слове упражнение о том совершенно уверяет. Сильное красноречие Цицероново, великолепная Virгилиева важность, Овидиево приятное витийство не теряют своего достоинства на российском языке. Точнейшие философские воображения и рассуждения, многоразличные естественные свойства и перемены, бывающие в сем видимом строении мира и в человеческих обращениях — имеют у нас пристойные и вещь выражающие речи. И ежели чего точно изобразить не можем, не языку нашему, но недовольному своему в нем искусству приписывать долженствуем. Кто отчасу далее в нем углубляется, употребляя предводителем общее философское понятие о человеческом слове, тот увидит безмерно широкое поле или лучше сказать — едва пределы имеющее море».

Таким образом, создавая свой панегирик родному языку, Ломоносов, однако, не мыслит установить его принципиальное своеобразие, не характеризует его, как систему, отличную от других языков, а аргументирует его достоинство тем, что ему свойственны те же достоинства, что и другим культивированным языкам, т. е. подводит его под критерии нормы, общие языку культуры вообще. Он полагает при этом, что общая норма речи механически сложена из отдельных достоинств, — эти достоинства порознь достигнуты языками и писателями Запада, — и сумма их всех заложена в русском языке. Очевидна связь такого понимания речи, нормы и эстетики языка с теоретическим мышлением как позднего Возрождения, так и классицизма. Отсюда же убеждение Ломоносова в том, что разработка национального языка должна быть предвидима «общим философским понятием о человеческом слове», т. е. стремиться подчинить национальные формы речи морфологической, синтаксической, а наипаче семантической норме, принятой как «разумная» дедукция логических начал для всех языков.

Концепция Ломоносова повлияла на представление о русском языке Сумарокова. Но с годами он все более выдвигал мысль о том, что богатства русского языка оказались неразработанными вследствие «невежества», небрежности, неумения русских писателей 1760—1770-х годов. Таким образом, Тредиаковский предска-